

Харе действительно этого не знал. Он обернулся и заморгал, чувствуя, как бабочки взлетают и вновь садятся на лицо.

— Почему? — растерянно спросил он.

Сукуна подался вперед, почти касаясь его лица, словно желая разглядеть каждую черточку. Повисло короткое молчание, которое Король проклятий нарушил негромким, глумливым смешком:

— Да потому что ты все время плачешь.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Харе оцепенел. Он уже открыл было рот, собираясь возразить, но Сукуна опередил его:

— Они находят это лакомство восхитительным. Для подобных тварей твоя беспросветная тоска — изысканное угощение. Ты щедро кормишь их, мелкий.

— Это не так, — выдавил Харе.

"Если бы я плакал, неужели сам бы не заметил?"

Чувство, будто его душу бесцеремонно вывернули наизнанку, отозвалось внутри острой обидой. Харе нахмурился и потянулся к лицу, но Сукуна жестко перехватил его запястье, не позволяя коснуться глаз.

— По пути сюда я велел Урауме кое-что разузнать, — неторопливо заговорило проклятие. — Говорят, ты как-то схватил ребенка и допытывался, что у тебя с глазами. Самому не кажется это странным?

Бабочкоподобные проклятые духи сотканы из проклятой силы. Они роились прямо перед лицом Харе, и он физически не мог их не замечать. Единственная причина его слепоты крылась в том, что, питаясь слезами, эти твари впитывали его скорбь. Горькие эмоции на время превращали их в подобие самых обычных, лишенных проклятой энергии бабочек. И если бы они не пировали непрерывно, Харе давно бы их разглядел.

Рука Харе обмякла в чужой хватке. Он и сам понимал, что в этой недомолвке таилось нечто странное. Истинная причина постепенно прояснялась в его мыслях, но поверить в нее до конца мешало одно: он не чувствовал слез. Щеки оставались абсолютно сухими.

Он обреченно вздохнул и опустил голову. Признавать поражение не хотелось, но и крыть было нечем. Словно пытаясь убедить самого себя, Харе едва слышно прошептал:

— Я не плакал.

Стоило фразе слететь с его губ, как щеки коснулся мягкий, почти невесомый поцелуй. Горячее дыхание Сукуны, пропитанное свежим ароматом юдзу, окутало лицо. Харе даже не заметил, в какой момент их пальцы переплелись, а его ладонь оказалась прижата к влажному борту деревянной бочки.

Раздался тихий плеск воды. Сукуна нежно поцеловал Харе в самый уголок глаза. Встревоженные бабочки вспорхнули и принялись кружить над ними, не желая улетать далеко.

— А я ведь чувствую этот вкус, малыш. Твоя душа навзрыд рыдает, — тихо прошептал Сукуна, прижимаясь ближе.

Боль сочилась сквозь его поры микроскопическими каплями проклятой силы.

Оставаясь в том же положении, Король проклятий вглядывался в лицо Харе. В его вкрадчивом, ленивом голосе больше не осталось привычной издевки.

— Еще при нашей первой встрече я хотел спросить, — негромко произнес он. — Ты совсем не похож на того, кого я помню. Насколько я знаю, ты далеко не слабак. Так почему же сейчас раскис? Это на тебя не похоже. Разве что... там, в прошлом, ты увидел нечто такое, от чего тебе до сих пор не по себе. Признаться, мне чертовски любопытно, что же это было.

Пока он говорил, его свободная ладонь скользила по плечу, груди и талии Харе, едва заметно очерчивая круги на влажной коже. Движения эти были на удивление мягкими — неосознанный жест утешения, которого сам Король проклятий наверняка бы устыдился.

Теплая вода с ароматом юдзу и эти нежные прикосновения помогли Харе расслабиться, но глубоко внутри все еще сидела глухая, невыносимая боль, от которой хотелось выть. Сукуна попал в самую точку: соприкоснувшись со своей альтернативной версией, Харе увидел слишком многое...

Но развивать эту тему не хотелось. Мысли путались, эмоции сталкивались в безумном водовороте, причиняя почти физическое страдание. Запрокинув голову, Харе попытался увести разговор в сторону:

— Сукуна, а на языке у тебя тоже есть проклятые узоры? Такие же, как на теле?

Уловив его нежелание откровенничать, Сукуна не стал настаивать. Он разжал пальцы и лениво толкнул плавающий на поверхности плод юдзу.

— Хочешь узнать? — протянул он с усмешкой. — Попробуй на ощупь.

Вода вновь всколыхнулась. Силуэт Сукуны отдалился, возвращаясь на прежнее расстояние. Под водой их голени по-прежнему соприкасались, ловя тепло друг друга, в то время как над поверхностью Король проклятий приоткрыл рот и слегка высунул язык, откровенно дразня свою добычу.

На алой влажной плоти отчетливо проступали черные линии проклятого клейма — зрелище было вызывающим и бесстыдным. На самом деле Харе прекрасно видел все его татуировки, а вопрос задал лишь для того, чтобы замять неловкую паузу.

— Если мне не изменяет память, эти узоры проступают прямо на коже? — Харе выпрямился и медленно подался вперед.

Он согнул ноги в коленях и, оперевшись ими в бока Сукуны, скользнул вперед, устраиваясь прямо у него на бедрах. Расстояние между ними сократилось до предела.

Обхватив сильную шею проклятия бледными руками, Харе наклонился ниже. Синие бабочки одна за другой послушно опустили на его веки. Он негромко, слегка насмешливо фыркнул:

— Разве пальцами тут что-то поймешь? Сукуна, если ты меня хочешь, мог бы сказать прямо.

От такой дерзости уголки губ Сукуны довольно поползли вверх. Спрятав язык, он с нескрываемым удовольствием окинул взглядом их позу.

— Мелкий, ты что, требуешь, чтобы я тебя ублажил?

— А разве нельзя? — Харе слегка вздернул подбородок, пользуясь преимуществом своего положения и глядя на него сверху вниз.

В его позе сквозило высокомерие, но голос при этом звучал до безумия соблазнительно. На мгновение Сукуна подумал, что оно и к лучшему, что глаза мальчишки скрыты этим роем. Взгляни тот на него сейчас своим чистым, пронзительно-синим взором, нашептывая подобные капризы, — это было бы уже запрещенным приемом.

— Как пожелаешь, — глухо отозвался Сукуна.

Он резко притянул Харе к себе и грубо, ненасытно впился в его губы.

Вода в купели бурлила и выплескивалась через край. По сравнению с нежным прикосновением к векам, этот поцелуй был запредельно, дико откровенным, буквально заявляющим: «Я выебу тебя прямо сейчас». Плотское вожделение плавилось в каждом движении горячего языка, настойчиво вторгающегося, исследующего и подчиняющего себе чужой рот.

У Харе заныл корень языка, челюсти сводило, а во рту все словно онемело и превратилось в сплошной очаг жара. Ему оставалось лишь безвольно раскрывать губы, покорно принимая эту ласку — ни на что другое просто не хватало сил.

Сукуной владела почти безумная, пугающая жажда. Харе кожей чувствовал это темное, тяжелое вожделение, которое неумолимо тянуло его за собой, словно собираясь сбросить на самое дно преисподней.

Пока один рот терзал его губы, второй — тот, что на животе Короля проклятий — принялся жадно оглаживать и покусывать его ребра и пах. Вспышки резкой боли от острых клыков раз за разом напоминали Харе, насколько смертоносен стоящий перед ним хищник. И все же разливающееся по телу сладостное тепло заставляло забыть обо всем и отдаться этому падению.

— А-ах... Сукуна... — сорвалось с его губ в короткий миг передышки.

Судорожно глотая воздух, Харе выгнулся всем телом, запрокидывая голову. Он мелко дрожал и, сам того не замечая, раз за разом звал проклятие по имени.

Услышав свое имя, проклятие оторвалось от его груди. На хищном, порочном лице Сукуны горел неприкрытый голод. Медленно слизнув влагу с губ, он запустил вторую пару рук под воду, грубо сминая упругие ягодицы юноши.

— Как сладко звучит, — пророкотал он с низким смешком. — Повтори.

Только теперь Харе осознал, какие звуки издавал секунду назад. Он резко распахнул глаза; потревоженные бабочки испуганной стайкой брызнули в стороны. Наваждение рассеялось, уступая место стыду — кончики ушей парня мгновенно вспыхнули пунцовым.

Впрочем, эта вспышка страсти принесла странное облегчение, выплеснув наружу копившееся напряжение. И все же Харе не обладал такой же феноменальной толстокожестью, как Король проклятий. Закусив губу аккуратными клыками, он упрямо замолчал.

Близость обнажала души. Точно так же, как Харе до дрожи ощущал животное вожделение Сукуны, проклятие безошибочно считывало его внутренний надлом и затаенную скорбь.

Мальчишка пытался сбежать от неудобных расспросов, предлагая взамен свое тело. Но Сукуна не собирался отказываться от столь желанного, преподнесенного на блюдечке деликатеса. К тому же вкус этого строптивого юнца превзошел все его ожидания.

"Какое блаженство... Мало. Хочу еще."

Ему хотелось подчинить его себе без остатка — забрать до последнего вздоха, овладеть каждой

клеточкой этого тела, изнутри и снаружи. И этот чудесный, срывающийся на стон голос должен послушно выкрикивать только его имя.

— Эх, сейчас бы в настоящие горячие источники, — вдруг мечтательно протянул Сукуна.

Голос его звучал на удивление буднично, будто он просто размышлял вслух о погоде.

Харе на мгновение напрочь забыл, что сидит абсолютно голым на чужих бедрах, а их губы еще хранят вкус недавнего безумного поцелуя. Поддавшись на уловку этого древнего интригана, он наивно спросил:

— Разве ты сейчас не в воде?

Но едва вопрос сорвался с языка, как под водой пальцы Сукуны скользнули ниже, коснувшись самого интимного места. Харе мгновенно оцепенел, по его спине пробежал ледяной озноб. А проклятие, похотливо оскалившись, приглушенно прошептало:

— Хочется забраться в местечко потеплее... в твой тесный источ...

Договорить он не успел. Харе пулей выскочил из воды и, весь пунцовый от гнева и смущения, резко наступил босой ступней прямо на широкую грудь Сукуны.

— Заткнись! — яростно выдохнул он.

От его резкого движения вода в бочке взбунтовалась, шумно выплескиваясь на пол. Один из спелых золотистых плодов юдзу с глухим стуком перевалился через край и покатился прочь.

Юноша надеялся, что этот жест его утихомирит, но Сукуна лишь молниеносно перехватил его лодыжку. Повернув голову, он запечатлел поцелуй на выступающей косточке и издевательски свистнул:

— Премного благодарен за угощение.

"А вид-то сверху просто изумительный..."

Неужели этот глупый ребенок решил, что раз его собственный взор затуманен бабочками и выхватывает лишь контуры чужой проклятой силы, то и остальные видят мир так же? Наивный. Сукуна сейчас во всех деталях созерцал его обнаженное, лоснящееся от влаги тело. И эта дерзкая попытка ударить его ногой... чертовски мило.

— Извращенец! Кто тут тебя угощал?! — Харе поспешно нагнулся и ухватился за край купели,

твердо вознамерившись выбраться.

Тело все еще горело от недавней стимуляции, но рассудок наконец прояснился. Рядом с Сукуной он терял бдительность и творил сущие безумства — нужно было срочно убираться отсюда как можно дальше.

Разгадав его маневр, Король проклятий крепче сжал ладонь на его лодыжке и силой утянул ногу Харе обратно под воду, заставляя упереться ступней прямо в свой пах.

Мягко контролируя нажим, он заставил чужую ступню медленно двигаться по своей разгоряченной плоти. Из его горла вырвался низкий, вибрирующий от сладострастия стон:

— О-о-о... Твоя способность к регенерации весьма забавна, — вкрадчиво прошептал Сукуна. — Ты восполняешь силы, пожирая проклятых духов. Но у меня есть кое-что получше. Я могу поделиться с тобой своей силой, и твои глаза мгновенно исцелятся. Хочешь?

Харе лишился дара речи.

"Как у него получается вещать с таким серьезным лицом, одновременно творя руками откровенное непотребство?!"

На самом деле зрение вернулось бы к нему, поглоти он еще парочку проклятий особого ранга. Но он намеренно затягивал с этим, потому что...

— М-ха... — тяжело вздохнул Харе.

Кое-как удерживая равновесие и демонстративно отвернувшись, он замял скользкую тему:

— Где моя одежда?

Сукуна лишь хмыкнул.

Строптивый паршивец. Конечно, взять его силой было бы по-своему весело, но Сукуне гораздо больше хотелось увидеть, как тот сам пойдет навстречу. Разомкнув пальцы, Король проклятий небрежно постучал по краю деревянной кадушки:

— Протяни руку вперед. Нащупаешь вешалку.

Харе послушно вытянул руку и наткнулся на деревянную стойку. Нащупав плотную ткань юкаты, он резко дернулся: обострившиеся чувства уловили стремительное приближение постороннего объекта. Юноша одним слитным движением выскочил из купели, накинул на

себя одежду и резко взмахнул рукой. Несколько чернильно-черных сгустков сорвались с его пальцев и на лету превратились в уродливых проклятых тварей. С визгом бросившись наперерез летящей угрозе, они разорвали ее в клочья, с грохотом рассеявшись облаком копоти.

Опустив руку, Харе нашел на полке пояс-оби и принялся на ощупь запахивать кимоно. Сукуна даже не шелохнулся, вальяжно откинувшись на бортик. Проводив недовольным взглядом останки призванных тварей, он раздраженно скривился:

— И много ты этой швали в себя вобрал?

— Около сотни, — безучастно отозвался Харе, затягивая узел на талии. — Не считал. Но они весьма практичные.

"Практичные?"

Сукуна лишь презрительно фыркнул про себя. Что может быть практичного в этом хлипком мусоре? Почему-то когда они сражались бок о бок, этот сопляк ни разу не назвал его "практичным". Неужели он ставит этих жалких букашек на один уровень с ним? Нелепость. И вообще, кто позволил ему затаскивать в свое тело посторонних проклятых тварей?

Скрестив руки на груди, Король проклятий насупился еще сильнее.

Почувствовав внезапную перемену в настроении спутника, Харе недоуменно повернул голову в его сторону. В этот момент воздух снова прорезал свист. Среагировав мгновенно, он шагнул вперед, заслоняя собой проклятие:

— Не двигайся.

Новая волна ударов шла сразу с нескольких сторон. Быстро сложив пальцы в печать, Харе выдохнул:

— Притяжение!

Волна проклятой энергии радиально разошлась во все стороны. Дюжина бумажных талисманов-офуда, летевших в них, мертвой хваткой застыла в воздухе, а через секунду они с треском сдетонировали один за другим, застилая все вокруг плотным серым дымом.

Харе, не видевший дыма, лишь озадаченно склонил голову набок — атака оказалась на удивление слабой.

За его спиной раздался тяжелый плеск. Сукуна выбрался из купели и набросил на плечи

юкату. Глядя на хрупкую спину юноши, который так решительно заслонил его от опасности, Король проклятий почувствовал, как мимолетное раздражение бесследно испарилось. Сердце затопило странное, непривычно щемящее чувство. Уголки его губ сами собой поползли вверх.

Надо же, невиданное дело: этот дерзкий мальчишка решил его защитить.

<http://bllate.org/book/19043/2005249>